

Т. А. Майсак

**Пять удинских песен
(тексты, морфологический разбор, комментарии)**

1. Удинский язык и его изучение

Научное изучение удинского языка – одного из исконных языков Кавказа, относящегося к лезгинской группе нахско-дагестанской семьи, – было начато еще во второй половине XIX века немецким исследователем А. Шифнером. В начале XX века выдающийся кавказовед А. Дирр опубликовал «Грамматику удинского языка» и издал ряд удинских текстов с русским или немецким переводом [Дирр 1904; Dirr 1928]. В СССР исследования по удинскому языку наиболее активно проводились в 1940–1970-е годы, причем преимущественно грузинскими лингвистами: в первую очередь следует отметить фундаментальные работы Е. Ф. Джейранишвили «Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь» и В. Н. Панчвидзе «Грамматический анализ удинского языка», опубликованные на грузинском языке [Джейранишвили 1971; Панчвидзе 1974]. В то же время вышел и «Удинско-азербайджанско-русский словарь» азербайджанского исследователя (и носителя удинского языка) В. А. Гукасяна [Гукасян 1974]. Те или иные аспекты удинской грамматики рассматривались также в статьях Б.К. Гигинейшвили, Т.Т. Сихарулидзе, Б. Б. Талибова и др.

Вместе с тем, в последующие десятилетия работа по описанию удинского языка проводилась не столь интенсивно, и крупнейшие публикации в этой области связаны уже с именами зарубежных лингвистов. Один из ведущих специалистов по кавказским языкам Вольфганг Шульце (Германия) опубликовал грамматический очерк и ряд работ по истории удинского языка, а также переиздал тексты Евангелий на удинском языке, переведенных в начале XX века С. и М. Бежановыми [Schulze 1982; 1994; 2001a; 2001b]. В настоящее время В. Шульце работает над обширной «Функциональной грамматикой удинского языка» с приложением текстов и словаря, завершение книги ожидается в 2005 г. [Schulze, to appear]. Американская исследовательница Элис Харрис, известная также работами по диахроническому синтаксису картвельских языков, является автором ряда статей по личному согласованию в удинском языке, а в 2002 г. вышла ее книга «Эндоклитики и происхождение удинского морфосинтаксиса» [Harris 2002] – наиболее полное на сегодня описание происхождения и современного функционирования личных клитик, представляющих собой, по всей видимости, самое необычное с типологической точки зрения грамматическое явление удинского языка¹.

Наконец, последние годы ознаменовались значительным открытием не только в области изучения удинского языка, но и в кавказоведении в целом. В середине 1990-х гг. грузинский ученый Заза Алексидзе обнаружил в монастыре Св. Екатерины на г. Синай грузинско-албанский палимпсест VIII века, содержащий около 100 страниц текста на албанском (агванском) языке. Этот текст – так наз. «лекционарий», сборник литургических чтений, главным образом из Нового Завета – к настоящему времени практически полностью прочитан З. Алексидзе, Й. Гиппертом и В. Шульце [Aleksidze et al., to appear]. Язык «лекционария» можно с уверенностью квалифицировать как древнеудинский; таким образом, в распоряжении кавказоведов оказывается уникальный письменный памятник более чем тысячелетней давности на одном из языков лезгинской группы.

Несмотря на то, что агванский алфавит, использовавшийся для записи древнеудинского языка, был изобретен еще в V веке, современный удинский язык оставался до недавнего времени бесписьменным, несмотря на ряд попыток создания письменности на протяжении XX века, не имевших успеха. В начале 1990-х гг. Ю. Айдынов и

---

¹ См. также рецензии [Майсак 2003; Schulze 2004].

Г. Кечаари предложили использовать в качестве удинской письменности способ записи, заимствованный из словаря В. А. Гукасяна (где, как и в случае других нахско-дагестанских языков, для записи особых звуков применялись двухбуквенные сочетания типа АЬ, АЪ, КІ, КЬ, КЪ и т.п.) [Айдынов, Кочарли 1992/1999]. Затем в связи с переводом азербайджанского алфавита на латиницу был изменен и удинский алфавит (в нем, однако, помимо азербайджанских букв продолжают использоваться кириллические знаки типа «ь», «ъ» и «ц»). В последние годы разработчик нового алфавита Георгий Кечаари, писатель и школьный учитель из с. Нидж, выпустил удинский букварь и несколько сборников фольклорных произведений и переводов на удинском языке [Keçarı 1996; 2001; 2003]; помимо этого, Г. Кечаари является автором ряда книг, посвященных уди́нам, на азербайджанском и русском языках [Keçarı 2002; Кечаари (сост.) 2003]². В с. Нидж удинский язык введен в школьную программу младших классов. Вместе с тем, использование письменности носит все еще ограниченный характер, и если не считать публикаций Г. Кечаари, она мало используется самими уди́нами.

Стоит отметить, что из двух диалектов удинского языка – ниджского и варташенского – ведущее место в большинстве описаний XIX-XX веков занимает варташенский (представленный как говором собственно Варташена, так и близким к нему говором с. Октомбери в Грузии). То же касается и перевода Евангелий, выполненных С. и М. Бежановыми в начале XX века. В последние годы в связи с публикацией ряда сборников удинского фольклора на ниджском диалекте эта ситуация изменилась. Тем не менее, первоочередной задачей современного этапа изучения удинского языка продолжает оставаться документация его нынешнего состояния (в первую очередь речь идет об устных текстах различных жанров и лексике). Это связано в значительной мере и с тем, что этнолингвистические и социоллингвистические процессы, последовавшие за распадом СССР и продолжающиеся в настоящее время, вызывают опасения за сохранность удинского языка в будущем.

С конца 1980-х гг. наблюдается массовое переселение уди́нов из мест исконного проживания. В азербайджанском г. Варташен (ныне переименован в Огуз) остается порядка 30 удинских семей, в грузинском селе Октомбери – менее 100 чел. [Clifton et al. 2002; Javadov, Huseinov 2002]. Основным местом компактного проживания уди́нов остается село Нидж Габалинского района Азербайджана (порядка 4 тыс. чел.), однако за пределами исконной территории – в России и др. странах бывшего СССР – проживает если не такое же, то даже большее их число. Наиболее многочисленные группы проживают в настоящее время на юге России, в т.ч. Ростовской области и в Краснодарском крае, а также в Москве, Екатеринбурге, Минеральных Водах и мн. др. городах³. Нет нужды говорить, что расселение по десяткам и сотням населенных пунктов на огромной территории не будет способствовать сохранению удинского языка в ближайшие десятилетия.

2. Пять удинских песен

Публикуемые ниже тексты можно считать одним из шагов в рамках документации современного удинского языка. Это тексты песен, записанных от переселенцев из Ниджа, ныне проживающих в с. Дубовый Овраг Волгоградской области. Село располагается в Светлоярском районе, примерно в 20 км к югу от Волгограда, вдоль автотрассы в сторону Элисты. Всего в этом селе проживает около 30 удинских семей⁴.

---

² Деятельность по восстановлению и сохранению удинской культуры поддерживается в настоящее время Норвежской гуманитарной миссией (NHE). Ср. также вышедшую при ее поддержке книгу об удинской истории и культуре [Чавадов, Hüsejnov 1999].

³ По данным переписи 2002 г., в России проживает 3721 удин, из них доля городского населения составляет около 61% (2078 чел.) [<http://www.perepis2002.ru>].

⁴ О том, что в этом селе проживают удины, нам сообщил в 2002 г. О. А. Мудрак, которому мы выражаем искреннюю благодарность.

Тексты были записаны и расшифрованы в ходе трех поездок в с. Дубовый Овраг – в октябре 2002 г., ноябре 2003 г. и марте 2004 г.; в поездках принимали участие Д. С. Ганенков (МГУ), Ю. А. Ландер (ИВ РАН), Т. А. Майсак (ИЯз РАН), в первой поездке также М. А. Даниэль. Мы благодарим всех жителей села, которые оказали нам помощь во время нашего пребывания в селе, в первую очередь – Алика Аристоресова, Зою Аристоресян, Римму и Эдика Гезальян, Беника и Эльмиру Саакову, Соню Гасанову, Артема Даллари и др. Помощь при расшифровке текстов в Москве нам оказал Аркадий Даллари, которому мы также искренне признательны. Отдельную благодарность хотелось бы выразить Георгию Аветисовичу Кечаари, благодаря поддержке которого мы смогли продолжить знакомство с удинским языком в с. Нидж (в ноябре 2004 г.).

К сожалению, точное авторство песен установить не удалось. Некоторые из них, по-видимому, являются народными и бытуют в удинской среде уже давно; другие скорее всего сочинены современными поэтами и музыкантами (в качестве возможных авторов назывались, например, Арарат Везирян из г. Краматорск, Жора Далакян из с. Нидж, Атоян Теван, проживающий в Узбекистане).

Тексты записаны в транскрипции, принятой в московской кавказоведческой школе и используемой, например, в монографии [Кибрик, Кодзасов 1988; 1990]. В строке морфемного разбора используются следующие обозначения:

-	морфемная граница		
=	граница между словоформой и клитикой		
:	кумулятивное выражение значений		
1, 2, 3	лица	Gen	генитив
Abl	аблатив	Imp	императив
Aor	аорист	Inf	инфинитив
Atr	атрибутивный показатель	LV	служебный глагол (light verb)
Benef	бенефактив	Neg	отрицание
Caus	каузатив	O	показатель косвенной основы
Conv	деепричастие предшествования	Perf	перфект
Dat	датив	Pl	множественное число
Erg	эргатив	Proh	прохибитив
Foc	фокусная частица	Prs	настоящее время
FutL	будущее (нейтральное)	Pst	прошедшее время
FutO	будущее модальное	Sg	единственное число
FutON	будущее модальное 2-е	Voc	вокативная частица

(Не обозначаются формально не маркированные грамматические значения в словоформах существительных – абсолютив и единственное число.)

Ниже приводятся тексты песен с разбором и переводом, после чего следует комментарий по основным лингвистическим особенностям текстов.

Песня 1. Девушка, красавица

Записано 19.10.2002 в с. Дубовый Овраг (Волгоградская обл.).

Исполнила Зоя Аристоресян, 1965 г.р. (при участии Риммы Гезальян).

Разбор текста: Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак

(1a) aj Xujär, hun ši Xujär=nu, he qäšäng=nu,
Voc девушка ты чей девушка=2Sg какой красивый=2Sg

(1b) bez dārd-ä hun tāk dārman=nu, tāk dārman=nu.
мой печаль-Dat ты единственный лекарство=2Sg единственный лекарство=2Sg

(2a) jaq̄=ež beRl-sa hun maja=nu, hun maja=nu,
дорога=1Sg смотреть-Prs ты где=2Sg ты где=2Sg

- (2b) udi-joR-oj hun maral=nu, hun maral=nu.
 удин-Pl-Gen ты олень=2Sg ты олень=2Sg

*Девушка, ты чья дочь, такая красивая?
 от моей печали [= для печали] ты одна лекарство, ты одна лекарство.
 Я жду⁵, где ты есть, где ты есть,
 удинская ты красавица, ты красавица [= лань].*

Припев:

hun maral=nu, hun maral=nu,
 udi-joR-oj hun maral=nu.

- (3a) vaXĩ eR-al=e, vi bak-al=e, vi bak-al=e,
 время приходит: Fut-FutL=3Sg твой стать-FutL=3Sg твой стать-FutL=3Sg

- (3b) beš ĩoj-a lašĩkoj far-eR-al=e, far-eR-al=e.
 наш дом-Dat свадьба играть-LV: Fut-FutL=3Sg играть-LV: Fut-FutL=3Sg

- (4a) maĩi dǎrgǎ va lap-es-ĩ-o=z, va lap-es-ĩ-o=z,
 белый платье ты: Dat одеваться-Inf-Caus-FutO=1Sg ты: Dat одеваться-Inf-Caus-FutO=1Sg

- (4b) zu beš ĩoj-a va taš-o=z, zu va taš-o=z.
 я наш дом-Dat ты: Dat брат-FutO=1Sg я ты: Dat брат-FutO=1Sg

*Придет время – твоё будет, твоё будет.
 в нашем доме свадьбу сыграем, свадьбу сыграем.
 В белое платье тебя одену, тебя одену,
 в наш дом я тебя заберу, я тебя заберу.*

Припев.

Песня 2. Песня девушки

Записано 20.10.2002 в с. Дубовый Овраг (Волгоградская обл.).

Исполнила Эльмира Саакова, 1967 г.р.

Разбор текста: Т. А. Майсак

- (1a) ölk-in ašĩR, valn bũlbũl-Хо
 страна-Gen ашуг вы соловей-Pl

- (1b) bez maRl-urX-o maRl-p-a=nan,
 мой песня-Pl-Dat петь-LV-Imp=2Pl

- (1c) nižl-e göjčǎk valn bin-erX-o
 Нидж-Gen красивый вы невеста-Dat

- (1d) bez maRl-urX-o far-p-a=nan.
 мой песня-Pl-Dat играть-LV-Imp=2Pl

⁵ Глагол ‘ждать’ *jaq-beRIsun* представляет собой лексикализованное сочетание «на дорогу смотреть» (слово ‘дорога’ выступает в абсолютиве); ср. буквальное сочетание *jaq-a=z beRl-sa* ‘я на дорогу смотрю’, в котором слово ‘дорога’ стоит в дательном падеже.

(1c) bez dārd tāzadan gal-p-e=ne,
мой горе опять шевелиться-LV-Perf=3Sg

(1d) furu-p-i če-r-i ta-c-e=nu.
поворачиваться-LV-Conv выходить-LV:Pst-Conv уходить-LV:Pst-Perf=2Sg

*Музыканты [= мастера] пришли (и) вошли,
и начинается твоя свадьба,
снова зашевелилась моя печаль,
(а) ты отвернулась и [выйдя] ушла.*

Припев:

(2a) za beRI-a Xujär, ma tak-i,
я:Dat смотреть-Imp девушка Proh уходить:Imp-Imp

(2b) zu va-suz te=z bak-on,
я ты:Dat-без Neg=1Sg мочь-FutON

(2c) za beRI-a Xujär, za ek-i,
я:Dat смотреть-Imp девушка я:Dat идти:Imp-Imp

(2d) bez üķ va-suz čur=e=ķ-on.
мой сердце ты:Dat-без остановиться=3Sg=LV:Fut-FutON

*На меня смотри, девушка, не уходи,
я без тебя не могу,
на меня смотри, девушка, за меня (замуж) выходи,
без тебя мое сердце остановится.*

(3a) mači dārg-in-ä lap-e=nu,
белый платье-O-Dat одеваться-Perf=2Sg

(3b) mači fat-in-a laX-e=nu,
белый фата-O-Dat класть-Perf=2Sg

(3c) Rar-e kul-a biq-e=nu,
парень-Gen рука-Dat брать-Perf=2Sg

(3d) javaš-javaš ta-c-e=nu.
медленно-медленно уходить-LV:Pst-Perf=2Sg

*Ты одела белое платье,
(ты) накинула белую фату,
(ты) взяла за руку парня,
(и) медленно ушла.*

Припев.

Песня 4. Он уехал в Россию

Записано 11.11.2003 в с. Дубовый Овраг (Волгоградская обл.).

Исполнила Соня Гасанова, 1976 г.р.

Разбор текста: Т. А. Майсак

Он сказал, «я весной вернусь,
как приеду, с тобой свадьбу сыграем».

Припев.

(2a-2b-2c-2d, 2b-2c-2d-2c)

Песня 5. Мауса (колыбельная)

Записано 20.10.2002 в с. Дубовый Овраг (Волгоградская обл.).

Исполнила Наира Саакова, 1987 г.р.

Разбор текста: Т. А. Майсак

- (1) maisa, maisa, mučĭla bas-ĭ-a.
Мауса Мауса сладко спать-LV-Imp
- (2) bez mičičĭ maisa neř ma aĭ-a.
мой маленький Мауса сон Proh видеть-Imp
- (3) pišič-in bala bas=e=ĭ-sa rič-e oča,
кошка-Gen ребенок спать=3Sg=LV-Prs печь-Gen под
- (4) čäli-n bala bas=e=ĭ-sa Xe-n-e oča,
рыба-Gen ребенок спать=3Sg=LV-Prs вода-O-Gen под
- (5) čur-e bala bas=e=ĭ-sa o-j-e oča,
корова-Gen ребенок спать=3Sg=LV-Prs сено-O-Gen под
- (6) maisa bas=e=ĭ-sa läif-e oča.
Мауса спать=3Sg=LV-Prs одеяло-Gen под

Мауса, Мауса, сладко спи.

Моя маленькая Мауса, спи без снов [= сон не видь].

Котенок спит под печкой,

рыбенок спит под водой,

теленочок спит под сеном,

Мауса спит под одеялом.

3. Лингвистический комментарий

Воспользуемся материалом приведенных выше текстов для того, чтобы продемонстрировать основные грамматические особенности удинского языка.

Яркой чертой в области фонетики является переход абруптивных согласных в непридыхательные (в транскрипции обозначены как $\tilde{p}$, $\tilde{t}$, $\tilde{k}$ и т.п.) и наличие фарингализации как просодического признака слова в целом (в транскрипции обозначена знаком *l*).

У имени существительного имеются морфологические категории числа (множественное число маркируется суффиксами *-oX*, *-Xo*, *-tuX*, *-urXo* и пр.) и падежа. Падежная система сильно редуцирована по сравнению с другими лезгинскими языками: все основные падежи представлены в текстах выше, к ним относятся – (немаркированный) абсолют, эргатив (на *-in*), датив (основной алломорф *-a*), аблатив/комитатив (на *-aXun*), бенефактив (на *-jnaĭ*)⁷. Объект переходного глагола в удинском может быть

⁷ Система локативных падежей, образующих характерные «серии», в удинском полностью утраче-

выражен как абсолютивом, так и дательным падежом (ср. выше текст 2: 1b, 1d; текст 3: 3a, 3b, 3c).

Категория именного класса (и вместе с тем классное согласование) в удинском утрачена. Вместе с тем, интересной инновацией является лично-числовое согласование, осуществляемое при помощи клитик. Основные алломорфы лично-числовых показателей: *=zu* '1 л. ед.ч.', *=nu* '2 л. ед.ч.', *=ne // =e* '3 л. ед.ч.', *=jan* '1 л. мн.ч.', *=nan* '2 л. мн.ч.', *=tun* '3 л. мн.ч.'. Заметим, что согласование с субъектом 3 л. мн.ч. не обязательно происходит по множественному числу: ср. текст 3: 1a.

Как можно заметить по приводимым примерам, личные показатели нередко при-мыкают к глагольной словоформе как энклитики (ср. *bas-e=ne* 'он вошел', *eR-o=z* 'я приеду' или *bak-al=e* 'он станет'); вместе с тем, их позиция может быть и иной – так, в комплексе *jaq̄=eZ beRI-sa* 'я жду (= я на дорогу смотрю)' показатель примыкает к прямому объекту глагола. Принципы расположения удинских личных клитик в предложении подробно исследованы в работах Э. Харрис, которая показала, что с их помощью осуществляется фокусное выделение – клитика всегда располагается на фокусируемой составляющей (в т.ч., например, на вопросительных словах или показателе отрицания *te* – ср. *te=z bak-on* 'я не смогу' или *te=ne eR-al* 'он не приедет')⁸. Уникальное типологическое свойство удинских личных клитик состоит в том, что, будучи именно клитиками по морфосинтаксическому статусу, они способны проникать внутрь глагольной словоформы, т.е. вести себя подобно аффиксам. (Именно последнее свойство удинских личных клитик послужило основанием для именованья их в работе [Harris 2002] «эндоклитиками» – т.е. клитиками, «вклинивающимися» внутрь словоформы.) Это свойство можно продемонстрировать на таких примерах, как *bas=e=k̄-sa* 'он спит', *čur=e=k̄-on* 'он остановится', *ta=ne=c-i* 'он уехал' – в данном случае исторически первые два глагола являются сложными, а третий префиксальным (см. ниже), однако возможно и «вклинивание» личного показателя внутрь нечленимого корня, ср. *ba=ne=k-e* 'он был' (корень *bak-* 'быть, стать') или *u=ne=k-sa* 'он есть' (корень *uk-* 'есть').

На устройстве удинских глагольных лексем стоит остановиться особо. Как известно, наряду с простыми, а также префиксальными, глаголами для многих нахско-дагестанских языков характерны сложные глагольные лексем, образуемые сочетанием «именной части» и глагола типа 'стать', 'делать', 'говорить', 'бить' и т.п. (так наз. «легких глаголов», ср. англ. термин «light verbs»). Удинский язык интересен в том отношении, что в нем рекордно мало число простых, т.е. морфологически нечленимых глаголов (их всего около 50), при этом у сложных лексем «собственно глагольные» части подверглись значительной морфологизации и далеко не всегда соответствуют какому-либо простым глаголам. Среди удинских «легких глаголов» выделяются достаточно частотные *baksun* 'стать', *besun* 'делать', *esun* 'приходить', *pesun* 'говорить', а также не имеющий самостоятельного употребления *-d-* 'давать' и с трудом поддающиеся этимологизации элементы *-k̄-*, *-t̄-*, *-q-*, *-q̄-*, *-x-*, *-p̄-*, *-t-* (см. подробнее обзор в [Harris 2002: 64ff]). Из глаголов, используемых в приводимых выше текстах, ср., например, *čur-p-esun* 'стоять', *far-p-esun* 'играть', *maRI-p-esun* 'петь', *man-d-esun* 'оставаться', *bas-k̄-esun* 'спать' и пр. Возможна ситуация, когда от одной и той же «именной части» образуется две или более лексем с разными «легкими глаголами»: ср., например, переходный *far-p-esun* 'играть' (текст 1: 3b) и непереходный *far-e-sun* 'играться, быть сыгранным' (текст 2: 1d), образуемый, как и многие непереходные эквиваленты, при помощи глагола движения.

Глагол *-d-* 'давать' в сочетании с инфинитивом (на *-es*) образует форму каузатива (см. текст 1: 4a).

Наконец, скажем несколько слов об удинской видо-временной системе, которая

на (если и имелась когда-либо в «классическом» виде).

⁸ Имеется также специальная выделительная частица *=al* (Фос) 'и, даже'.

является достаточно небогатой. Основные глагольные формы индикатива – презенс (на *-sa*), два прошедших времени – аорист (на *-i*) и перфект (на *-e*), и два будущих времени – нейтральное по значению будущее (на *-al*) и модальное будущее (на *-o*). В текстах встречается также вторая форма будущего модального (на *-on*), не упоминаемая в существующих описаниях удинского языка (по свидетельству информантов, она синонимична форме на *-o*). В нефинитном употреблении (без личной клитики) аорист на *-i* выступает в роли деепричастия или причастия предшествования / совершенного вида⁹, а форма на *-ala*, родственная нейтральному будущему, – в роли причастия одновременности / несовершенного вида.

Из неиндикативных форм в текстах выше представлен императив (на *-a*, у глаголов движения *-i*). Отметим, что императив единственного числа является единственной финитной формой, не имеющей лично-числового показателя. Оптатив, морфологически тождественный императиву у большинства глаголов, используется как форма долженствования (со всеми лицами), а также оформляет зависимое предложение при глаголах желания, повеления, оценки.

Заметим, что у глаголов движения (*tajsun* ‘уходить’, *ejsun* ‘приходить’, *bajsun* ‘входить’), а также у *pesun* ‘говорить’ некоторые видо-временные формы образуются супплетивно: ср. *p-i=ne* ‘сказал’, *uĕ-al=e* ‘скажет’ или *har-i=ne* ‘пришел’, *eR-al=e* ‘придет’, *ek-i* ‘приходи!’. Этот супплетивизм отражается и при употреблении данных лексем в роли «легких глаголов» (ср. выше глоссы типа «LV:Pst» и «LV:Fut»).

Конечно, далеко не все представляющие интерес особенности удинского языка нашли свое отражение в публикуемых выше текстах. Тем не менее, представляется, что эти пять удинских песен дают достаточное представление об этом языке, во многом занимающем особое положение в рамках лезгинской группы и нахско-дагестанской семьи в целом.¹⁰

Институт языкознания РАН, Москва

Литература

Айдынов Ю. А., Кочарли Ж. А. Программа удинского языка для начальных классов: Проект. (Удин дили програмы. Баку, 1992) [Репринтное издание и перевод.] // Удины: источники и новые материалы. Краснодар, 1999.

Гукасян В. А. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

Джейранишвили Е. Ф. Удийский язык: Грамматика. Хрестоматия. Словарь. Тбилиси, 1971. [На груз. яз.]

Дирр А. Грамматика удинского языка. (СМОМПК, XXXIII.) Тифлис, 1904.

Кечаари Г. (сост.) Шнурок: Сборник удинских анекдотов. Гянджа, 2003.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.

Майсак Т. А. Рец.: *Harris A.C. Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002* // Кавказоведение. 2003. №3. Сс. 168-178.

Панчвидзе В. Н. Грамматический анализ удинского языка. Тбилиси, 1974. [На груз. яз.]

Чавадов Г., Гүсејнов Р. Удилэр. Баку, 1999. [На азерб. яз.]

Aleksidze Z., Gippert J., Mahé J.-P., Schulze W. The Caucasian Albanian (Old Udi) Palimpsest from Mt. Sinai. Edition and interpretation. (to appear)

⁹ Эта полифункциональность отражается в морфологическом разборе выше: форма на *-i* обозначается как Aor в финитном употреблении и как Copv в функции деепричастия.

¹⁰ Текст данной статьи, а также другие материалы по удинскому языку доступны в интернете на сайте <http://udilang.narod.ru>.

- Clifton J., Clifton D., Kirk P., Ljøkjell R. The sociolinguistic situation of the Udi in Azerbaijan // *Studies in languages of Azerbaijan*. Vol. 1. Baku & St Petersburg, 2002.
- Dirr A. Udische Texte // *Caucasica* 5 (1928): 60-72.
- Javadov G., Huseinov R. The Udis: Historico-ethnographic research // *Studies in languages of Azerbaijan*. Vol. 1. Baku & St Petersburg, 2002.
- Harris A. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Keçari, Georgi. Осақ başında рəqs. Gəncə, 2002. [На азерб. яз.]
- Keçaari, Keorgi. Nana Осъал. Вакı, 1996. [На удин. яз.]
- Keçaari, Keorgi. Orayın. Вакı, 2001. [На удин. яз.]
- Keçaari, Keorgi. Вурухмух. Gəncə, 2003. [На удин. яз.]
- Schulze W. *Die Sprache der Uden in Nordazerbajdzan. Studien zur Synchronie und Diachronie einer süd-ostkaukasischen Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz. 1982.
- Schulze W. *The Udi Language. A Grammatical Sketch // The Indigenous Languages of the Caucasus*, vol. IV. Delmar, N.Y.: Caravan, 1994.
- Schulze W. *An Udi Online Grammar*. Electronic version, 2001a. [<http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/Uog.html>]
- Schulze W. *The Udi Gospels – Annotated text, etymological index, lemmatized concordance*. Munich/Newcastle: Lincom Europa, 2001b.
- Schulze W. Review article: A. Harris. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002 // *Studies in Language* 28: 2 (2004): 419-441.
- Schulze W. *A Functional Grammar of Udi*. (to appear)

Timur Maisak

Five Udi songs (texts, morphological analysis and comments)

Summary

This paper includes five songs in the Udi language (Lezgi group of East Caucasian languages) with morphological analysis and Russian translation. The songs were recorded in the village of Dubovy Ovrag near Volgograd (Russia), where a considerable number of resettlers from Nizh (Azerbaijan) live now. The publication of texts is preceded by an overview of research in Udi and a brief characteristics of the current sociolinguistic situation. In the final section a short grammatical sketch is given based on the examples presented in the songs.

Full text of this paper, as well as other downloadable materials on the Udi language are available on the web-site <http://udilang.narod.ru>.